

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

В. А. Возчиков

ПУБЛИЧНЫЕ ЛЕКЦИИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО: МАГИЯ СЛОВА И ЛИЧНОСТИ

УДК 930(476)-051

ББК 63с1(2)52-81

Публичные лекции историка Т. Н. Грановского в Московском университете осенью 1843 года стали событием в научной и культурной жизни России, подлинным прорывом в становлении свободной общественной мысли. Благодаря выступлениям ученого произошло социальное и духовное сближение университета и общества, философский смысл которого — в становлении мировоззрения на идеалах гуманизма, приоритета гражданской активности и научной мысли.

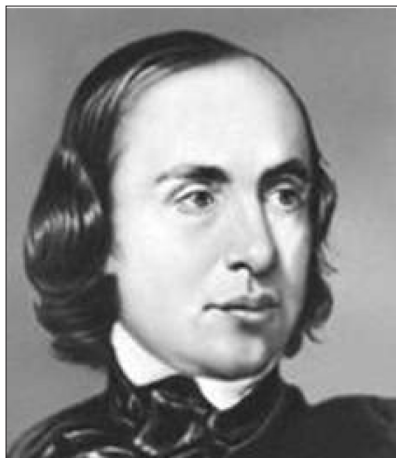
Ключевые слова: философия истории, публичные лекции, историческая наука, университет, общество, гуманистическое мировоззрение.

V. A.Vozchikov

THE PUBLIC LECTURES OF T.N. GRANOVSKY: THE MAGIC OF A WORD AND PERSONALITY

The public lectures of historian T.N. Granovsky at the Moscow University in the fall of 1843 became an event in the scientific and cultural life of Russia, a true breakthrough in the development of a free public opinion. Due to the presentations of the scientist some social and spiritual convergence of the university and society had happened, the philosophical meaning of which - the development of philosophy on the ideals of humanism, priority of civic activities and scientific thought.

Key words: philosophy, historical philosophy, public lectures, historical science, university, society, humanistic ideology

Т. Н. Грановский

В ноябрьские дни 1843-го года не было, пожалуй, в Москве места популярнее, чем одна из университетских аудиторий, предоставленная для публичных выступлений Тимофею Николаевичу Грановскому. Такого еще не случалось, чтобы научные лекции заставляли замереть в восторженном внимании умудренных знаниями профессоров и недоучившихся студентов, чиновников и военных, светских дам и барышень, еще накануне танцевавших на балах и ничего не слышавших о философии истории!.. Впоследствии в обеих столицах не раз будут устраиваться подобные мероприятия, но по накалу общественных страстей, интеллектуальному блеску, невиданному духовному подъему приоритет в истории российского просвещения навсегда останется за первым публичным курсом Грановского...

Накануне выступлений Тимофей Николаевич делился с друзьями своими переживаниями, спектр которых

довольно широк — от возможного состава публики до реакции идейных противников. «Выпей стакан вина за успех, — просит Грановский Н. Х. Кетчера 15 ноября. — Присутствие дам может меня несколько сконфузить, и первая лекция может быть плоха, а это сделает дурное впечатление» [5. С. 459]. Однако московские дамы вели себя в высшей степени доброжелательно по отношению к молодому ученому; учитывая специфический характер мероприятия, женщин и барышень в зале было довольно много — около пятидесяти, они старались приезжать на лекции пораньше, примерно за полчаса до начала, чтобы занять места поближе к сцене — все рассмотреть, все услышать и наградить лектора восторженными взглядами... А. И. Герцену вообще показалось на первой лекции, что в зале «множество дам»; Александр Иванович иронизировал по этому поводу: «... разумеется, они не слушать ездят, а казать себя — но все это хорошо и, впрочем, в самом деле есть желание интересов всеобщих» [3. С. 130].

Лекции начались 23 ноября. В одном из писем Грановский уточняет, что «во вторник, в половине третьего» [5. С. 459]. А. И. Герцен записал в дневнике: «24. Вчера Грановский начал свои публичные лекции. Превосходно. Какой благородный, прекрасный язык, потому именно, что выражает благородные и прекрасные мысли. Я очень доволен. Его лекции в самом деле событие ...» [3. С. 130]. «В час, назначенный для открытия чтений Грановского, университетская аудитория была полна, — свидетель-

ствует А. В. Станкевич. — В ней собралось образованнейшее общество Москвы, литераторы, военные, дамы, старики и юноши» [4. С. 126].

Полагаем, однако, что не всех слушателей, а особенно — слушательниц, захватывала философия истории, которую пытался обосновать Грановский: каким-то непостижимым образом собирала многочисленную аудиторию духовная магия личности лектора!.. Именно из внутренней сущности Тимофея Николаевича следует исходить, утверждал А. В. Станкевич, пытаясь объяснить феноменальный успех его выступлений: «Тайна глубокого впечатления, производимого преподавателем на слушателей, заключалась не только в его знаниях, в его художественном таланте представления, не только в изящно-выразительном изложении, — она крылась в глубоко нравственном и изящном существе самого преподавателя» [4. С. 112]. Автор биографии Тимофея Николаевича обратил внимание, что слышавшие Грановского при передаче впечатлений от его выступлений неизменно говорили как о глубоком уме, так и о неотразимом обаянии лектора. Согласимся, что даже обычные слова в состоянии передать притягательную силу образа: «Его выразительное лицо, большие задумчивые глаза, засвечивающиеся порой из-под густых сросшихся бровей каким-то глубоким блеском, выющиеся черные волосы, грустная улыбка, все было в нем изящно, привлекательно; на всем существе его была печать душевной чистоты, нравственного достоинства, вызывающих симпатию и доверенность» [4.

С. 113]. В тон сказанному — мнение Герцена: «Какое благородство языка, смелое, открытое изложение! Были минуты, когда его речь подымалась до вдохновения» [3. С. 132].

Побывавший на одной из лекций Анненков (Павел Васильевич приехал в начале декабря, о чем Грановский с радостью сообщил Н. Х. Кетчеру: «Завтра выпьем за твое здоровье по поводу приезда Анненкова. Все эти господа у меня обедают». — [5. С. 460]; письмо не датировано) так описывал свои впечатления: «Лекции профессора особенно отличались тем, что давали чувствовать умный распорядок в сбережении мест, еще не доступных свободному исследованию. На этом-то замиренном, нейтральном клочке твердой земли под собой, им же и созданным и обработанным, Грановский чувствовал себя хозяином; он говорил все, что нужно и можно было сказать от имени науки, и *рисовал* все, чего еще нельзя было сказать в простой форме мысли. Большинство слушателей понимало его хорошо. Так понял оно и лекцию о Карле Великом, на которую и я попал. Образ восстановителя цивилизации в Европе был в одно время и художественным произведением мастерской кисти, подкрепленной громадную переработанной начитанностью, и указанием на настоящую роль всякого могущества и величества на земле. Когда в заключение своих лекций профессор обратился прямо от себя к публике, напоминая ей, какой необъятный долг благодарности лежит на нас по отношению к Европе, от которой мы даром получили благодать цивилизации человеческого существо-

вания, доставшиеся ей путем кровавых трудов и горьких опытов, — голос его покрылся взрывом рукоплесканий, раздавшихся со всех концов и точек аудитории» [1. С. 202].

Переживания Грановского все же не могли не сказаться на качестве первой лекции — она действительно получилась не столь блестящей, какой могла бы стать. Смущенный наплывом публики, Грановский начал «робко, тихим голосом, едва слышным на задних скамьях аудитории» [4. С. 126]. Естественное волнение перед переполненным залом усиливала настороженность. «Елагина сказала мне недавно, что у меня много врагов, — делится Тимофей Николаевич с Кетчером 15 ноября. — Не знаю, откуда они взялись; лично я едва ли кого оскорбил, следовательно, источник вражды в противоположности мнений. Постараюсь оправдать и заслужить вражду моих врагов» [5. С. 459]. К неопределенным слухам добавились неизвестная нам, но, видимо, не оставшаяся без внимания осведомленных современников, «неприятная история» с Чаадаевым, неожиданная хлопотливая угодливость профессора Степана Петровича Шевырева, всячески демонстрировавшего свое желание помочь в организации выступлений, явиться этаким «покровителем молодого таланта» [См. об этом: 5. С. 461]...

Спустя месяц Грановский уже не сомневался в правоте Елагиной: «У меня также много врагов, но и это хорошо, — сообщает он отцу и тетушкам 13 декабря. — Я их не вызывал против себя никакими оскорблениями, но и терпеть оскорблений не намерен.

Я работаю много, чувствую, что мой труд не бесплоден, что он находит признание и что жизнь моя не пропадет без следа. Чего же более?» [5. С. 311].

В январе 1844-го года критика лекций Грановского, кажется, достигла апогея: под угрозой оказалось собственно продолжение выступлений. То, что Тимофей Николаевич считал научными идеями, интерпретировалось его оппонентами (С. П. Шевыревым, М. А. Дмитриевым, И. И. Давыдовым и др.) в политическом смысле — как преклонение перед Западом, унижение России, подрыв православия и вообще всех духовных оснований нравственной чистоты и благополучия страны. Деликатнейший Сергей Григорьевич Строганов, граф, попечитель Московского учебного округа и Московского университета, решился на разговор с Грановским, надеясь убедить последнего «скорректировать» содержание лекций, сделать их менее «гегельянскими», однако Тимофей Николаевич не видел возможности идейного компромисса и не исключал варианта, что ему вообще придется уйти из Московского университета. «Дела мои не совсем хорошо идут, — делился он своими переживаниями с Н. Х. Кетчером 14 января. — Я думаю, что придется идти в отставку или переменить службу. Строганов требует невозможного. Вчера у меня было с ним серьезное, резкое объяснение. Я, может быть, поступил глупо, говоря совершенно прямо и открыто, но не раскаиваюсь. Он сказал мне, что при таких убеж-

дениях я не могу оставаться в университете, что им нужно православных и т. д. Я возразил, что я не трогаю существующего порядка вещей, а до моих личных верований ему нет дела. Он отвечал, что отрицательное отношение недостаточно, что им нужна любовь к существующему, короче, он требовал от меня апологий и оправданий в виде лекций. Реформация и революция должны быть излагаемы с католической точки зрения и как шаги назад. Я предложил не читать вовсе о революции. Реформации уступить я не мог. Что же бы это была за История? Он заключил словами: «Есть блага выше науки, их надобно сберечь, даже если бы для этого нужно было закрыть университет и все училища». Что-нибудь кроется под этим, его кто-нибудь напугал» [5. С. 462—463]. Складывается впечатление, особенно по последней фразе, что Грановский сочувствует Строганову, понимает позицию чиновника, стремящегося предотвратить идейный «раскол» в научной среде. «Есть блага выше науки ...» Однако лишь наука в полной мере позволяет осознать величие и ценность этих благ!..

Между прочим, именно попечитель Московского университета граф С. Г. Строганов предложил в свое время Грановскому кафедру всеобщей истории!.. В декабре 1835-го служивший при Строганове В. К. Ржевский представил Тимофея Николаевича, которого знал еще по жизни в Орле, графу, и последний в личной беседе проникся искренней симпатией к недавнему студенту, разглядев в нем недюжинный исследовательский по-

тенциал. Тимофею Николаевичу было предложено отправиться в Германию, готовиться там к профессуре и в перспективе — к принятию кафедры в Московском университете [См.: 4. С. 44]. Так что Строганова и Грановского связывали давние отношения искреннего уважения и симпатии, потому их официальная по форме беседа в январе 1844-го не была нравоучительным внушением чиновника — «ретрограда» либеральному мыслителю: состоялся доброжелательный разговор двух интеллигентов, ученых, патриотов России, озабоченных процветанием науки, благоденствием страны, объективно признающих, хотя и не во всем принимающих различные пути достижения этого процветания... «Есть блага выше науки», — сказал Строганов, и это не фраза ограниченного бюрократа; Сергей Григорьевич как должностное лицо знал, вероятно, нечто большее о политической ситуации в Европе и России, чем даже Грановский, предчувствовал — почему бы не предположить? — грядущие общественные катаклизмы... Так что настороженное, даже порой критическое отношение к лекциям Тимофея Николаевича не следует, на наш взгляд, интерпретировать в терминах конфликта «власти» и «общества»; противостояния как агрессивной непримиримости не было, осуществлялся процесс познания — искренний и пристрастный, бескорыстный и самостоятельный...

«В графе Строганове бездна рыцарски благородного», — записал Герцен в своем дневнике 26 ноября 1843 г. после состоявшегося накануне

разговора с попечителем Московского университета. А. И. Герцен привез Строганову свою статью о лекциях Грановского и получил согласие на публикацию ее в «Московских ведомостях». С одним, правда, немаловажным условием: не упоминать даже имени Гегеля!.. «Откуда эта гегелефобия?» — действительно недоумевает или только делает вид, что не понимает «примиренческой» позиции графа, Александр Иванович Герцен. Строганову же хотелось обеспечить некое равновесие между славянофилами и западниками, предотвратить острые диспуты и тем более конфликты. Похоже, Сергей Григорьевич Строганов был в тогдашней ситуации мудрее многих: когда в чем-то правы оба оппонента, нужно стараться не «перекричать» друг друга, а прилагать усилия к взаимопониманию. «Странно, какое внимание обращено на меня и на всех. Предостережения, советы», — размышляет Герцен [3. С. 131], обнаруживая хорошую наблюдательность и, кажется, некоторую гордыню (словечко “странно”!), отсутствие потребности в столь привлекательном для Строганова “примирении”....

Статья А. И. Герцена «Публичные чтения г. Грановского (письмо в г. Петербург)» была опубликована в «Московских ведомостях» (№ 142) 27 ноября 1843 г. Тимофей Николаевич прочел ее уже утром (свежий номер поспешил прислать Евгений Федорович Корш — редактор-издатель «Московских ведомостей») и «был так тронут, что не смог сразу все прочесть» [3. С.

132]. Публикация оказалась для Грановского приятным сюрпризом, своевременной поддержкой, он и не знал, что Герцен готовит отклик для газеты... К слову сказать, мало понятен упрек Белинского Герцену по поводу названной и следующей публикаций на эту же тему: «По моему мнению, стыдно хвалить то, чего не имеешь права ругать: вот отчего мне не понравились твои статьи о лекциях Грановского» [2. С. 573]. Странное основание для оценки газетного материала!.. Да почему бы и не похвалить то, что заслуживает похвалы, поднявшись над некими политическими интересами, на которые, видимо, намекает знаменитый критик?!.

С. Г. Строганов не возражал против собственно лекций Грановского, его беспокоила негативная реакция на них в определенной части общества, крайне «патриотическая» риторика которой не позволяла не реагировать!.. И все же Грановскому было разрешено довести свои выступления до конца, что объективно привело к подъему уровня общественного самосознания: еще многие месяцы после последней лекции шло горячее обсуждение как содержания курса, так и морального облика самого Тимофея Николаевича. Даже год спустя, в марте 1845-го, Грановский сообщал Кетчеру: «Обо мне кричат, что я интриган, тайный виновник всех оскорблений, которые наносятся славянству. <...> Семейство Аксаковых буквально плачет о гибели народности, семейной нравственности и православия ...» [5. С. 464].

Идейная направленность публичных лекций Тимофея Николаевича

была заявлена на первом же выступлении (23 ноября), посвященном развитию исторической науки, что не прошло незамеченным и справедливо было воспринято как принципиальная позиция, вполне раскрывшаяся уже на следующем выступлении, когда Грановский высказал свое понимание философии истории. «Я начал ругаться с первой лекции, после которой Шевр (Шевырев. — В. В.), встретился с Чаадаевым на крыльце и деликатно закричал ему: «Что, Петр Яковлевич, каково вас католиков отделили!» — «Досталось и вам, отвечал Чаадаев», — писал Грановский Н. Х. Кетчеру 14 декабря. — После второй лекции Чаадаев перестал ходить, чем-то обиделся» [5. С. 461].

Слова «досталось», «отделили» — не самая лучшая лексика для описания лекций Тимофея Николаевича. Он мог быть задиристым в письмах к своим друзьям, однако в аудитории избегал открытых политических выпадов. И дело не только в том, что со многими идейными противниками (братьями Киреевскими, например) у Грановского в жизни были вполне приятельские отношения. Как ученый, Тимофей Николаевич понимал, что справедливость того или иного мнения не доказывается «навешиванием ярлыков» или шельмованием сторонников противоположных взглядов, которых, к слову, было достаточно много, что уже само по себе требовало уважительного отношения к занимаемой ими позиции.

«В Москве были тогда в большом ходу толки об отношении истории и цивилизации Европы к нашему оте-

честву и его исторической жизни, — отмечал А. В. Станкевич. — В конце тридцатых годов в среде московских литераторов и ученых образовался круг людей, сделавшихся известными под именем славянофилов. <...> Провозглашая начало народности, славянофилы во имя его провозглашали вместе и вражду к Западу, его идеям, его истории. Не признавая благотворности реформ Петра, они искали свои идеалы для будущности России в ее истории до Петра, смысл которой толковали сообразно своим воззрениям. Начало народности было живо для них только в простонародности, в тех слоях русского общества, куда не проникало влияние образования, гражданственности, условий государственного быта, всего, что, по мнению славянофилов, было насильственно привито России Петром. Они мечтали о каком-то особенном, исключительно народном характере не только русской жизни, русского быта, русского искусства, но и русской науки» [4. С. 124–125].

Грановский не превратил свои публичные лекции в диспут. Он не подчеркивал односторонность позиции славянофилов, но высказался по поводу нее весьма изящно, заострив внимание публики на лучших результатах европейского прошлого, против чего объективно трудно было что-то возразить по существу. Такой изначально обезоруживающий подход вызвал особенное раздражение противников «западничества», которые стали критиковать Грановского не за то, что он сказал (действительно, как можно возражать против достижений

европейской цивилизации?!), а за то, о чем промолчал и о чем, по мнению славянофилов, высказаться было непременно нужно!..

Все же на одной из лекций Тимофей Николаевич задал своим оппонентам простой вопрос: если бы он, Грановский, не принимал исторического пути Запада, зачем бы тогда читал, тем более публично, его историю?.. Не естественнее ли говорить о том, что считаешь истинным и справедливым?.. «Меня обвиняют, сказал он (Т. Н. Грановский. — В. В.), в том, что история служит мне только для высказывания моего воззрения. Это отчасти справедливо, я имею убеждения и привожу их в моих чтениях; если б я не имел их, я не вышел бы публично перед вами для того, чтобы рассказывать, больше или меньше занимательно, ряд событий» [(4. С. 130)].

Дневниковые записи Герцена тоже сохранили блестящий ответ Грановского своим критикам, сделанный 20 декабря 1843 г.: «Окончив чтение, он (Грановский. — В. В.) сказал: “Я считаю необходимым оправдаться перед вами в некоторых обвинениях на мой курс. Обвиняют, что я пристрастен к Западу, — я взялся читать часть его истории, я это делаю с любовью и не вижу, почему мне должно бы читать ее с ненавистью. Запад кровавым потом выработал свою историю, плод ее нам достается почти даром, какое же право не любить его? Если б я взялся читать нашу историю, я уверен, что и в нее принес бы ту же любовь. Далее, меня обвиняют в пристрастии к каким-то системам; лучше

было бы сказать, что я имею мои учебные убеждения; да, я их имею, и только во имя их я и явился на этой кафедре, рассказывать голый ряд событий и анекдотов не было моею целью”. <...> Гром рукоплесканий и неистовое bravo, bravo окончило его речь, с невыразимым чувством одушевления сделан был этот аплодисмент, проводивший Грановского до самых дверей аудитории» [3. С. 134].

По поводу своих критиков Т. Н. Грановский пишет Кетчеру 14 декабря: «Остервенение славян возрастает с каждым днем; они ругают меня не за то, что я говорю, а за то, о чем умалчиваю. Я читаю Историю Запада, а они говорят: “Зачем он не говорит о России!” Аксаков (Константин Сергеевич. — В. В.) горячо стоит за меня и поссорился с Шевырькоу. Впрочем, я напечатаю свои лекции по окончании курса, дабы не было глупых толков» [5. С. 462]. О своем желании издать лекции Грановский сообщал и в письме Фроловым 8 мая 1844 года: «Осенью я начну печатать эти лекции. Это необходимо по многим причинам» [5. С. 417].

Увы, намерения своего Тимофей Николаевич Грановский не осуществил, он вообще, к сожалению, писал мало и неохотно. На это обращал внимание А. В. Станкевич: «Грановский всегда медлил, когда ему предстоял письменный труд. Ему нужна была живая деятельность, и живое слово и наличные слушатели оставались для него всегда главными ее условиями» [4. С. 86]. «Грановский на свою литературную деятельность смотрел, как на второстепенную сравнительно

с деятельностью живым словом, к которой он чувствовал наиболее призывания, — развивает свою мысль тот же биограф. — Он признавался, что, несмотря на постоянную подготовку к своим лекциям, лучшим часто являлось в них то, что приходило ему на мысль во время самого чтения. Если случалось ему, хотя и очень редко, явиться на кафедру с приготовленной письменно лекцией, то рукопись оставалась у него в кармане, и аудитория слышала от него не то, что было им приготовлено письменно. Несомненно, что талант Грановского был по преимуществу талант живого слова, отчасти даже, можно сказать, талант импровизатора, если только позволительно назвать импровизациею речь, к которой произносящий ее подготовлен долгим трудом изучения и постоянно деятельною мыслию» [4. С. 246].

Парадоксально, но у Т. Н. Грановского не было физических данных, требуемых для успешного лектора, но он, тем не менее, стал им!.. По поводу собственного голоса Грановский писал Н. В. Станкевичу 25 ноября 1839 г.: «Голос мой слаб от природы, и этому помочь нельзя. Зато мне весело — признаюсь брат — смотреть на студентов, сидящих на ступенях моей кафедры или на стульях кругом, чтобы лучше слышать и записывать» [5. С. 366].

Т. Н. Грановский вообще не отличался крепким здоровьем, в том же письме находим грустные и откровенные строки: «...Во-первых, не смейся и не ругайся — мне не хочется умирать. Здоровье мое плохо; я не стра-

даю вовсе, вместо прежних резких болей в груди у меня глухое постоянное давление в левой стороне, пониже сердца. Не мучительно, но, чувствую, что скверно. Способность спать много и крепко пропала; слабость увеличивается с каждым днем: отчего? не знаю. Внешних признаков нет. Боюсь растаять» [5. С. 371].

Когда весной 1839-го в Берлине болезнь на два месяца лишила Грановского полноценных занятий, врачи вообще предсказывали ему «невозможность, при состоянии его груди, читать лекции» [4. С. 87].

Слабый голос действительно серьезно подвел Грановского в самый неподходящий момент, а именно 12 сентября 1839 г., когда Тимофей Николаевич начал чтение своего исторического курса. Более 250 слушателей собрались в аудитории Московского университета на вступительную лекцию Грановского, однако выступление оказалось под угрозой срыва: вид этой толпы смутил Грановского, объясняет состояние лектора А. В. Станкевич: «В течение десяти минут он не мог произнести ни слова; все сказанное им затем слышали только весьма немногие; однако ж после нескольких лекций живое сочувствие студентов было вполне на стороне преподавателя, а сам он уже вполне овладел спокойствием, изменившим ему при первой лекции» [4. С. 95].

Уже 25 ноября 1839 г. Тимофей Николаевич писал А. В. Станкевичу: «Отношения мои к студентам очень приятны. Они приходят ко мне очень часто, толкуют обо всем очень откро-

венно и, сколько заметно, имеют ко мне некоторое доверие. Одним словом — друг! *mir ist wohl!* Все-таки не даром проживу я на Божием свете» [5. С. 366]. Когда в начале апреля 1840 г. Грановский закончил чтение курса средней истории, успех лекций среди студентов, по признанию самого Тимофея Николаевича, превзошел все его ожидания [См.: 4. С. 111].

Вот как сообщает биограф о зву ч а н и и лекций Грановского: «Речь свою на кафедре он начинал, казалось, с усилием над самим собою; тогда особенно был заметен природный недостаток его произношения, что-то похожее на шепелявость. Недостаток этот однако ж скоро исчезал, когда, одушевляясь, он овладевал предметом речи, и она делалась вполне свободною и живою. Голос его звучал тоном задушевности, тоном, каким не высказывается только одно знание, но говорит убеждение. Слушателю, записывающему слово в слово чтение преподавателя, после, когда он перечитывал его, могло казаться, что он что-то пропустил, чего-то не записал из слышанного, потому что тон и общее впечатление чтения оставались неуловимыми для его пера. Неотразимо подчинялся также слушатель не только впечатлению изящного слова, но и самого благородного образа учителя» [4. С. 112–113].

Приведем интересный факт, касающийся лекционной манеры Грановского, о котором сообщает А. В. Станкевич: «Он постоянно готовился к каждой предстоящей лекции справками, обдумыванием и соображением всего, что относится к ее

предмету. Но являясь на кафедру, он не приносил с собою сырого материала науки в виде тяжелого запаса. Он не любил ни многочисленных цитат, ни щегольства ссылками на имена и заглавия научной литературы, никакого ученого наряда. Все внешнее содержание науки, казалось, было тогда собственностью его духа. Излагая историю человечества, он, казалось, исповедовал перед слушателями свои личные, пустившие глубокие корни в душе его воспоминания» [4. С. 239].

О яркости языка Т. Н. Грановского мы можем судить сегодня по его немногим опубликованным научным работам. По поводу того, что ни народы, ни государства не вечны, историк выразился так: «Погребальное шествие народов к великому кладбищу истории» [6. С. 69]. Великие люди, по мнению Грановского, наделены «особенно чутким нравственным слухом, особенно зорким умственным взглядом лица» [6. С. 4]. К концу IV столетия до нашей эры образованность Греции «еще красовалась дивным богатством изящных форм и великих идей, но органическое развитие ее кончилось и дальнейшего роста от нее нельзя было ждать» [6. С. 23]... Поистине, соединение литературного изящества с оригинальностью мысли!..

Зададимся вопросом: с какой целью взялся Грановский за тяжелейшую работу, что представляли собой публичные лекции?.. Друзья Тимофея Николаевича хорошо знали, сколько сил требовало от него каждое выступление, какое полнейшее душевное опустошение испытывал он после дня, проведенного в студенчес-

кой аудитории!.. Да и сам Грановский отнюдь не стремился к имиджу этакого «Моцарта от науки», «солнечного гения», которому все легко удается, а собственно работа — не более, чем праздник...

«Странная вещь, — доверительно сообщает Грановский Н. В. Станкевичу 25 ноября 1839 г., — после всякой лекции я прихожу в решительное изнеможение; нервы разыграются и упадут опять совершенно» [5. С. 367]. В письме тому же корреспонденту от 12 февраля 1840 г. Грановский пишет: «Лекции раздражают нервы до крайности, хотя и читаю очень смирно» [5. С. 380].

Однако это лишь констатация факта, но не роптание!.. Грановский понимает, что человек не вправе сетовать на природу, что окажись божественный дар жизни для него в чем-то иным (хотя бы более щедрым в отношении здоровья!), он бы уже не был тем Грановским, который стал явлением русской культуры... Судьба еще в детстве подала Тимофею Николаевичу знак, с чем ему идти по жизни: слабая физическая конституция должна была компенсироваться мощным духовным началом. «В ребяческие годы, — пишет А. В. Станкевич, — Грановский не отличался избытком физических сил и здоровья; он был худ, бледен и обыкновенно казался сосредоточенным и задумчивым, но любимые игры мальчика вызывали в нем зародыш деятельных, подвижных наклонностей, бодрого и бойкого нрава. Он любил строить и брать крепости, предводительствуя строем своих сверстников (вот они, истоки будущей “власти” над

аудиторией! — В. В.), был охотник добывать птиц из гнезд на высоких деревьях, ловить голубей. Петушинный бой был зрелищем, за которым ребенок следил со страстным увлечением (не это ли увлечение — предтеча будущего интереса к интеллектуальным полемическим баталиям? — В. В.) [См.: 4. С. 6—7]...

Но коли так, если каждая лекция для Грановского — тяжелая душевная и физическая работа, зачем ему дополнительное нервное напряжение, которое создавали публичные выступления перед московской аудиторией?.. Так и хочется привычно обобщить: во-первых — потому, во-вторых — поэтому, в-третьих... Но мотивацию Тимофея Николаевича Грановского трудно «разложить по полочкам», определить, какие цели для него более, а какие — менее приоритетные... Весьма респектабельно в качестве ответа на поставленный вопрос выглядела бы строчка из письма к Н. Х. Кетчеру от 15 ноября 1843 г., в котором Грановский сообщает о своем намерении высказать слушателям *en passe* такие вещи, которые бы он не решился сказать каждому по одиночке [См.: 5. С. 459]. Следовательно, речь о целях научных, а конкретнее — о намерении Т. Н. Грановского сделать достоянием широкой публики его собственное (основанное на мировоззрении Гегеля) понимание философии истории. Однако не эффективнее ли для этого печатный труд — книга, тираж которой разойдется по всей стране, экземпляр которой можно взять в библиотеке и сегодня, и завтра, и через год?.. Во всяком слу-

чае, «традиционный» ученый, на наш взгляд, так бы и поступил. Но дело в том, что именно лекция — главный способ научного бытия Грановского!.. Не письменная работа над научным текстом, а публичное выступление, проживание идеи в звучащем слове!.. Не случайно, как мы уже отметили, научное наследие Тимофея Николаевича Грановского весьма невелико, он не то что не любил, но постоянно откладывал «на потом» оформление своих мыслей в виде печатных трудов, он нес их, эти мысли, в аудиторию и доверял живому слову!..

Думается, мы не ошибемся, если скажем, что публичные лекции нужны были Грановскому как работа, которую он любил и умел выполнять и от успешного результата которой получал заслуженное и естественное удовольствие. Так что вряд ли возможно безоговорочно утверждать, что важнее для Т. Н. Грановского: широкое распространение взглядов Гегеля или радость от владения вниманием слушателей. Грановскому необходимо и то, и другое, и еще многое — и все в первую очередь, все одинаково ценно!.. Характерно в этом плане замечание А. В. Станкевича: «Кроме лекций в университете он нередко читал лекции у себя на дому для нескольких студентов из лучших учеников своих, нередко читал их также в кругу друзей своих или же для тех людей, которым надеялся быть полезным своими историческими чтениями» [4. С. 245].

Для самого Грановского успех его публичных лекций очевиден, он позволяет себе лишь скромные, сдержанные оценки: «Лекции идут хоро-

шо»; «Лекции мои произвели более впечатления, нежели я ожидал» [5. С. 460]; «Мои дела идут хорошо. Я читаю теперь публичные лекции истории, и Московская публика встретила меня самым лестным приемом. Зала, в которой я читаю, едва вмещает в себя посетителей ...» [5. С. 311]; «Успех был выше моих надежд» [5. С. 417]...

А. В. Станкевич отмечает, что, начиная с третьей лекции, Грановского не только провожали, но и уже встречали аплодисментами, причем это были не вежливые проявления внимания, но «громкие, единодушные рукоплескания аудитории» [См.: 4, с.127]. Об этом же свидетельствует и А. И. Герцен, записавший в дневнике 1 декабря: «1. Вчера Грановского встретили страшными рукоплесканиями — он не ждал и смехался. Долго не мог прийти в себя. Лекции его делают фурор ...» [3. С. 132].

Тимофей Николаевич понимал, что переполненная аудитория свидетельствует не только об интересе к истории и к нему как лектору, но и отражает общее тогдашнее настроение интеллектуальной Москвы, о котором Грановский сообщал в письме к Фроловым еще в январе 1840 г.: «В здешнем *хорошем* обществе теперь мода на ученость, дамы говорят об истории и философии с цитатами, а так как я слышу очень ученых человеком, то и получаю часто приглашения, за которые благодарю, оправдываясь занятиями» [5. С. 416]. Еще раньше, 25 ноября 1839 г., в письме к Н. В. Станкевичу Грановский отмечал: «В деятельности, в движении умов нет

недостатка — но все как-то шатко» [5. С. 370].

Ни до, ни во время, ни после публичных лекций Т. Н. Грановский не представлял себя всезнающим мэтром, невозмутимым и величественным профессором. Он, как начинающий, радуется аплодисментам, без стеснения делится с друзьями случившимися конфузами, иронизирует над собой и достигнутым успехом («Хвалят и бранят не в меру!»), волнуется ежедневно, тревожится... «Ты не можешь себе представить, в какой жар и холод бросает меня каждая лекция. Я еще не испытывал ни такого наслаждения, ни такой тревоги», — признается Грановский Н. Х. Кетчеру в начале декабря, а через несколько дней в очередном письме повторяет: «В жизни моей я не испытал таких тревог и волнений» [5. С. 460]. В том же письме Т. Н. Грановский описал довольно-таки забавный эпизод, случившийся однажды во время выступления: «... Два раза аплодировали. В первый раз я сконфузился, покраснел и высморкался без всякой внутренней потребности. Галахов уверяет, что я, сморкаясь, сказал: покорно благодарю. Может быть. Мне от страха показалось, что я чихнул, а посетители говорят: желаем здравствовать» [5. С. 460].

Обстановка в зале во время лекций Грановского была поистине невиданной по эмоциональному подъему, доброжелательности к выступающему, искреннему стремлению слушать и понимать!.. П. В. Анненков назвал эту атмосферу «межсловным торжеством», объединившим не только

«молодежь университета, но и весь образованный класс города — от стариков, только что покинувших ломберные столы, до девиц, еще не отдохнувших после подвигов на паркетке, и от губернаторских чиновников до неслужащих дворян» [1. С. 201]. Современник, кажется, даже не сдерживает своего восхищения: «Чтения Грановского принимались аудиторией с таким сочувствием и восторгом, что упреки и обвинения немногих голосов замолкли под влиянием общего настроения. Между слушателями и преподавателем установилась внутренняя, взаимная связь, живительно действующая на обе стороны. Аудитория, увлеченная словом преподавателя, усиливала его энергию и одушевление. Казалось, он сам развивался во время чтений. Он рос и крепнул на кафедре» [4. С. 131].

Расскажем о характерном случае, свидетельствующем о поистине безграничной популярности Грановского в те дни, которые описывает А. В. Станкевич [См.: 4. С. 30–31]. В начале 1844-го года, когда публичный курс Т. Н. Грановского достиг своего эмоционального апогея, в официальной российской столице — Санкт-Петербурге — приступил к публичным лекциям по истории романа преподаватель французской литературы Санкт-Петербургского университета Ch. St. Julien. Когда-то Julien учил студента Грановского, а последний в 1835-м представил своему наставнику сочинение о творчестве Рабле... И вот почти десять лет спустя, предвзято собственные размышления о литературе XVI века, петербургский

профессор словно пропускает вперед своего бывшего слушателя, зачитывая аудитории фрагмент студенческого исследования Грановского!.. «Чтение отрывка, — замечает А. В. Станкевич, — вызвало громкие рукоплескания со стороны публики» [4. С. 31]. Как видим, магия московского триумфа Т. Н. Грановского захватила не только его бывшего преподавателя, но и петербуржцев, которые (во всяком случае, в массе своей) никогда не видели и не слышали Грановского!..

А ведь Тимофей Николаевич не был для петербуржцев «своим», он открыто высказывал симпатии Москве и Московскому университету!.. Например, в письме к Н. В. Станкевичу от 25 ноября 1839 г., описывая атмосферу, царящую в московской научной среде, Грановский отмечает: «Вообще, ты найдешь большую перемену, и необыкновенно хорошую, в здешнем университете, который, впрочем, единственный в России. Прочие — упаси Боже!» [5. С. 367]. В феврале 1840 г. — о том же и тому же корреспонденту: «Об Александре (брате Н. В. Станкевича. — В. В.) я слышал от Боткина, который недавно был в Харькове. Похлопочи о переводе его сюда. В Харькове ему нечего будет делать. Плохой университет, за исключением двух или трех профессоров. Наш университет, без хвастовства, единственный в России. Жаль, что брат твой не юрист: у Редкина и у Крылова послушать полезно» [5. С. 377]. В январе 1844-го, после тяжелого разговора с С. Г. Строгановым,

Грановский подумывает об отставке и сетует в письме Кетчеру: «Быть может и мне придется переходить на службу к вам в Питер. Что делать! Жаль Москвы, которая, что бы ни врал Белинский, выше, умнее и образованнее Петербурга» [5. С. 463]. Словом, весьма даже вероятно, что Ch. St. Julien знал о такой позиции Грановского (возможно, случались разговоры коллег по этому поводу, реплики знакомых, да и сам Т. Н. Грановский вполне мог откровенно делиться со своим бывшим наставником!), однако следует ли на это обращать внимание, когда перед глазами явление ярчайшего таланта, аура которого накрыла и петербургскую публику!..

По свидетельству А. И. Герцена¹, «Грановский заключил последнюю лекцию (22 апреля 1844 г. — В. В.) превосходными словами, — рассказав, как французский король губил тамплиеров, он прибавил: «Необходимость гибели их, их виновность даже ясны, но средства употребленные гнусны; так и в новейшей истории мы часто видим необходимость победы, но не можем отказать ни в симпатии к побежденным, ни в презрении к победителю» [3. С. 157]. Вдумаемся в какую-то вневременную актуальность этих слов Грановского!.. Равно как и комментария А. И. Герцена по поводу них: «И неужели эта аудитория, принимающая его слова, особенно такие слова, с ужаснейшими рукоплесканиями, забудет их? Забыть она их, впрочем, имеет право, но неужели

¹ Запись в дневнике датирована 7 марта 1844 г.

они пройдут бесследно, не возбудив ни одной мысли, ни одного вопроса, ни одного сомнения? Кто на это ответит? Страшно сказать «нет», и «да» страшно сказать» [3. С. 157].

Читать в наши дни описание атмосферы всеобщего восхищения, сопровождавшей завершение лекций Грановского, и радостно, и грустно. Радостно потому, что испытываешь чувство гордости за вузовское сообщество, а грустно от глубокого сомнения в способности как науки, так и ее представителей вызвать в настоящее время общественный интерес, хотя бы отчасти напоминающий триумф Грановского. Однако само наличие ориентира, что есть истинный университетский преподаватель, поддерживает оптимистичную веру, что будут и благотворные стремления приблизиться к этому эталону!.. Жаль, что Н. В. Станкевич не называет имени того очевидца завершения публичного курса Грановского, чьи воспоминания он цитирует, однако будем благодарны биографу, что он сохранил для нас эти взволнованные строки: «Окончив, он (Грановский — В. В.) встал. Благодарю, говорил он, тех, которые сочувствовали с моими убеждениями и оценили добросовестность, благодарю и тех, которые, не разделяя их, с открытым челом, благородно высказывали мне свое несогласие. При этих словах он как-то весь трепетал и слезы были на глазах, когда он еще раз сказал: “Еще раз благодарю вас”».

После заключительных слов Грановского вся аудитория поднялась с восторженными рукоплесканиями,

раздались крики: браво! прекрасно! треск; шум; дамы махали платками, другие бросились к кафедре, жали руки преподавателя, требовали его портрета. Он хотел уйти из аудитории, но толпа преграждала путь ему. Он стоял бледный, сложа руки и склоняя голову, хотел произнести несколько слов и не мог. Шум одобрения поднялся с новой силою, рос и длился. Студенты толпою заняли лестницу, по которой при тех же выражениях восторга Грановский, изнемогавший от волнения, едва мог пробраться к залу университетского совета» [4. С. 131–132].

В такой же атмосфере дружелюбности прошел и торжественный обед, устроенный в честь Грановского. У собравшихся было приподнятое настроение, пришел даже активный критик Тимофея Николаевича С. П. Шевырев; идейные противники обнимались друг с другом, понимая, по крайней мере, в этот день, что все они служат общему делу, что можно спорить в статьях и книгах, но для личной вражды нет оснований!.. Пример примирения и доброжелательности подавал сам Т. Н. Грановский...

Публичные лекции Т. Н. Грановского — прорыв в становлении свободной общественной мысли. Для характеристики сделанного Грановским уместно использовать слово «первые», что хорошо почувствовал А. В. Станкевич: «На лекциях Грановского московское общество впервые испытало впечатление и силу живого слова, публичной речи, впервые слышало открыто и с чарующей силой высокого таланта раздающийся

голос науки, впервые рукоплескало искренней и независимой мысли. Оно приветствовало не только осмысленное и художественное изложение событий истории, не только высокий талант, но и искренние убеждения глубоко гуманного человека, которого оно узнало в историке. Положительно можно сказать, что со времени публичных чтений Грановского московское общество сильнее, чем когда-нибудь создало свою связь с университетом, так же как и университет более прежнего сблизился с обществом в лице лучших представителей своих. <...> Публичные курсы Грановского положили начало сближения между ними, и в этом отношении их историческое значение несомненно» [4. С. 132].

В этом же смысле высказался и А. И. Герцен: «Может, после этого власть наложит свою лапу, закроют курс, но дело сделано, указан новый

образ действия университета на публику, указана возможность открыто, благородно защищаться перед публикой в обвинениях щекотливых и подтверждена возможность единодушной оценки такого подвига, возможность возбудить симпатию.

Что за великое дело публичность!» [(3. С. 134)].

Соглашаясь в целом с оценками Станкевича и Герцена, отметим, что важен не только социальный, но и философский смысл сближения университета и общества, который видится в становлении мировоззрения на идеалах гуманизма и свободы, приоритета гражданской активности и научной мысли. Импульсом такого сближения как раз и явились публичные лекции Тимофея Николаевича Грановского, ставшие замечательной страницей истории русской науки и культуры.

Список литературы

1. Анненков, П. В. Замечательное десятилетие // Анненков П. В. Литературные воспоминания / Вступ. ст. В. И. Кулешова; коммент. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой. — М.: Худ. лит., 1983. — С. 121–367. — (Серия литературных мемуаров).
2. Белинский, В. Г. — Герцену А. И. 26 января 1845. Петербург // Белинский В. Г. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. Письма 1829–1848 годов / Ред. тома В. И. Кулешов; сост. М. Я. Поляков. — М.: Худ. лит., 1982. — С. 572–574.
3. Герцен, А. И. Дневник 1842–1845 // Герцен А. И. Сочинения в 9 т. / Под общ. ред. В. П. Волгина, Б. П. Козьмина, С. А. Макашина, В. А. Путинцева, Я. Е. Эльсберга. Том 9. Дневник 1842–1845.
- Письма 1832–1870. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. — С. 7–234.
4. Т. Н. Грановский и его переписка. Том I. Биографический очерк А. Станкевича. Издание второе. — М.: Т-во Типографии А. Н. Мамонтова, 1897. — V, 285 с.
5. Т. Н. Грановский и его переписка. Том II. Переписка Т. Н. Грановского. Издание первое. — М.: Т-во Типографии А. Н. Мамонтова, 1897. — 497 с.
6. Четыре исторические характеристики. Публичные лекции, читанные ординарным профессором Т. Грановским в 1851 году // Публичные лекции о. профессоров: Геймана, Рулье, Соколова, Грановского и Шевырева. Читаны в 1851 году в Императорском Московском Университете. — М.: В Университетской типографии, 1852. — С. 1–93.